

ЗАПРЕЩЁННЫЕ ПРИЁМЫ ВРЕМЕННОЙ ПЕТЛИ. ВЛЮБИТЬ ЗА 3 ЧАСА

ВИКТОР ВОНГ

Виктор Вонг
Запрещённые приёмы
временной петли.
Влюбить за 3 часа

*<https://litres.ru/74336318>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Артём — успешный архитектор, циничный рационалист, который привык просчитывать всё на три шага вперёд. Но когда идеальное свидание с девушкой мечты Викой проваливается из-за одного неловкого ответа, он попадает во временную петлю. Теперь у него есть три часа, чтобы влюбить её в себя. Снова и снова.

Девяносто семь повторений одного вечера. Девяносто семь попыток быть идеальным. Девяносто семь провалов. Артём перепробует всё: тактику тишины, конфетно-букетный период, игру на слабостях, эффект ореола наоборот. Он станет экспертом по женской психологии, освоит приёмы НЛП и научится читать людей как открытые книги. Но чем ближе он к цели, тем яснее понимает: настоящая любовь не терпит фальши. И единственный способ вырваться из петли — перестать играть роли и, наконец, стать собой.

Эта книга — увлекательный роман-инструкция о том, как страх быть отвергнутым превращает нас в марионеток, а смелость быть настоящим — единственный путь к настоящему чувству.

Содержание

Глава 1. Ноль часов. «Золотая клетка»	5
Глава 2. Первый запуск. (Вечер 1)	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Виктор Вонг

Запрещённые приёмы временной петли.

Влюбить за 3 часа

Глава 1. Ноль часов. «Золотая клетка»

В мире, где каждый второй считает себя экспертом по отношениям, а каждая третья книга учит «привлекать за десять шагов», существует одна простая истина, которую эти гуру почему-то всегда упускают. Истина заключается в том, что момент истины наступает не тогда, когда ты произносишь заготовленную остроту и не тогда, когда ты эффектно поправляешь манжеты рубашки. Момент истины наступает в ту самую секунду, когда ты перестаёшь контролировать сценарий, и реальность, словно норовистый конь, сбрасывает тебя в грязь. Именно в этой грязи, как ни странно, и кроется либо великое падение, либо великое прозрение.

Для Артёма это прозрение наступило в среду, в двадцать минут восьмого вечера, в ресторане, название которого он так и не смог бы выговорить с набитым ртом. Ресторан этот

находился на пятьдесят втором этаже небоскрёба, и панорамные окна открывали вид на вечернюю Москву, которая мерцала внизу тысячью огней, похожих на разбросанные по бархату бриллианты. Стекло было холодным, и Артём машинально провёл по нему пальцем, оставляя мутный след, который тут же исчез. Этот жест был нервным, хотя сам он себе в этом бы ни за что не признался. Он сидел напротив девушки, которую про себя уже окрестил «проектом номер один», хотя это звучало цинично даже для него.

Её звали Вика. Просто Вика. Без вычурных украшений в имени, без пафосных отчеств, которые он уже мысленно перебрал, пока она изучала меню. Она была той самой девушкой, которая появляется в жизни мужчины раз в десятилетие, чтобы напомнить ему, что все его прошлые победы были всего лишь разминкой перед главным матчем. Светлые волосы, собранные в небрежный, но продуманный до каждой складочки пучок на затылке, открывали безупречную линию шеи. Артём заметил, что её уши не были проколоты, и это почему-то показалось ему дико интимным, словно она хранила право на серьги для кого-то особенного. Она улыбалась той загадочной улыбкой, которая одновременно говорит и «я вся здесь», и «ты никогда не докопаешься до сути». Он был очарован. Он был так очарован, что забыл главное правило, которое вынес ещё из своей студенческой жизни: чем сильнее очарование, тем ближе катастрофа.

Всё началось идеально. Идеально до зубного скрежета.

Артём заказал дорогое красное вино, которое он, честно говоря, вряд ли отличил бы от среднего по цене в слепой дегустации, но этикетка и цена играли роль его личного пропуска в её мир. Он шутил. Он был остроумен, но не навязчив. Он умело слушал, кивая в нужные моменты и задавая вопросы, на которые, по его мнению, женщинам нравилось отвечать. Он рассказал забавную историю о своём коте, который однажды застрял в коробке из-под обуви, и Вика засмеялась. Смех у неё был низким, грудным, совершенно неожиданным для её хрупкой фигуры. Он почувствовал, как внутри разливается тепло победы. Он делал всё правильно. Он был в ударе.

Официант, бесшумный, как призрак, принёс горячее. Треска в лимонно-масляном соусе выглядела как произведение искусства, а не как блюдо. Артём поднял бокал. Вика смотрела на него поверх стекла, и в этот момент он понял, что спектакль достиг своей кульминации. Он видел это по её зрачкам, которые чуть расширились, и по тому, как она чуть подалась вперёд, сокращая расстояние между ними. Но именно в этот момент, когда уверенность достигла своего пика, как снежная лавина, сошла катастрофа.

Она задала вопрос. Обычный вопрос, который в любой другой ситуации Артём парировал бы с лёгкостью фокусника, вытаскивающего кролика из шляпы. Но сейчас его мозг, перегруженный адреналином, эйфорией и запахом её духов (сладкая ваниль с нотками горького перца), дал сбой.

— Артём, — спросила она, отставляя бокал и слегка наклоняя голову набок, словно птица, прислушивающаяся к дождю. — А какие у тебя планы на жизнь? Я имею в виду, не на завтра и не на следующую неделю. А по-настоящему. Лет на десять вперёд?

Этот вопрос был бомбой с часовым механизмом, и он только что услышал её тиканье. Дело в том, что у Артёма не было этого плана. Он был архитектором сложных систем. Его работа заключалась в том, чтобы просчитывать логику поведения тысяч пользователей, строить маршруты данных, предвидеть сбои и аварии. Он строил цифровые города, но в его собственном городе, реальном, не было даже карты. У него была хорошая квартира в элитном районе, навороченный автомобиль, который он менял каждые три года, и счёт в банке, который позволял не задумываться о ценах в этом ресторане. Но всего этого было недостаточно для ответа на этот вопрос. Какая-то внутренняя, глубинная часть его души — та, что обычно спала под толстым слоем иронии и здорового цинизма, — внезапно запаниковала.

Он должен был сказать что-то умное. Он знал это. Он смотрел в её глаза, в которых горели искорки искреннего интереса. Она не хотела его денег или статуса, она хотела увидеть его карту мира, его внутреннюю движущую силу. Артём открыл рот, и его логический центр, этот прекрасно отлаженный механизм, выдал самую страшную, самую оголённую правду, которую он даже сам от себя прятал.

— Понимаешь, — начал он, и его голос предательски дрогнул. — Наверное, я хочу... чтобы всё было хорошо. Чтобы я не думал о том, что будет через десять лет. Чтобы каждый день был похож на этот. Просто кайф. Без напряжения.

Он сказал это. Он сказал то, что думал, но что никогда, ни при каких обстоятельствах, не должен был произносить вслух в первый вечер знакомства с женщиной, которая, как он чувствовал, могла бы стать его судьбой. Слова «кайф» и «без напряжения» прозвучали как мольба слабака, как признание в том, что он плывёт по течению, не имея ни руля, ни ветрил.

Он увидел, как изменилось её лицо. Это было не разочарование, нет. Это было что-то похуже. Это был холод. Она смотрела на него, и в её взгляде пропала та самая искра. Она будто снимала с него наряд принца, слой за слоем, и находила под ним обычного мальчишку, который боится завтрашнего дня. Она улыбнулась, но это была дежурная улыбка вежливости, та, которую оставляют для уборщиц или продавщиц в супермаркете. Стена между ними воздвиглась за те три секунды, что он выдавал этот бессвязный лепет.

— Это... очень честно, — медленно произнесла она, и каждое её слово было как гвоздь в крышку их общего ещё не родившегося романа. — Знаешь, я думаю, что жизнь — это всё-таки про направление. Даже если ты не знаешь конечной точки, важно хотя бы видеть линию горизонта. А если ты просто плывёшь по течению, то есть риск пристать к

берегу, где тебя никто не ждёт.

Она говорила это мягко, даже участливо, но это было похоже на приговор. Артём чувствовал, как под рубашкой выступает липкий пот. Он хотел вернуть всё назад. Он хотел переиграть этот диалог. В его голове уже крутился идеальный ответ: «Через десять лет я хочу строить города не в виртуальном пространстве, а в реальности. Я хочу, чтобы мои проекты меняли мир вокруг нас, и я хочу делать это рядом с человеком, который понимает, о чём я говорю». Красиво, амбициозно, и это давало бы ему фору. Но было поздно. Слово — не воробей, и этот воробей улетел, оставив после себя лишь привкус серой гадости на языке.

Оставшиеся полчаса были пыткой. Они доели треску. Они допили вино, которое теперь казалось кислым. Разговоры свернули на безопасные темы: погода, пробки, новости про какой-то бунт в Южной Америке, который не волновал ни его, ни её. Он чувствовал, как тикают стрелки часов. Каждое тиканье отдавалось в висках глухим ударом. Он понимал, что это последний вечер, когда он видит её. Его «проект номер один» провалился с треском. Он завалил экзамен по самой важной дисциплине — человечности.

Когда он оплатил счёт (огромный, но совершенно бессмысленный), они вышли из ресторана. Ветер на такой высоте был пронизывающим до костей. Вика накинула пальто, застегнулась, и этот жест был символическим — она закрылась от него полностью. У лифта она повернулась, чмокнула

его в щёку сухими губами и сказала:

— Спасибо за отличный вечер, Артём. Правда. Ты замечательный собеседник. Пока.

«Пока» звучало как «прощай навсегда». Она села в такси, которое подкатило через две минуты, будто ждало её, и растворилась в огнях ночного города. Артём остался стоять на тротуаре, провожая взглядом красные габариты машины, которые таяли в потоке, как две капли крови, уносимые течением.

Тоска навалилась на него мгновенно. Не такая, которую лечат алкоголем или сном. Это была тоска экзистенциальная, когда ты понимаешь, что ты никто и что жизнь проходит мимо. Он сел в свою машину, заглушил двигатель и просто сидел, уставившись в тёмное стекло. В ушах звенела тишина. Он прокручивал диалог снова и снова, как испорченную пластинку. «Какие планы на жизнь?» «Кайф». Он ударил кулаком по рулю, и от боли в костяшках на секунду стало легче.

Он был в своей «золотой клетке». Клетка была обита бархатом, напичкана дорогой электроникой и имела панорамный вид, но дверца её была заперта изнутри. Он сам не выпускал себя на свободу, потому что настоящая свобода — это риск. Настоящая свобода — это иметь мечту и не бояться, что она не сбудется. А у него не было мечты. Были цели на квартал, на полугодие, но не было мечты.

Вместо того чтобы ехать домой, он завёл машину и поехал к себе в офис. Зачем? Просто чтобы быть одному. Что-

бы прикоснуться к чему-то понятному — к клавиатуре, к холодной логике кода. Он зашёл в свой кабинет, который находился на сороковом этаже того же здания — деловой центр «Москва-Сити» был его вторым домом. В кабинете пахло кофе и бумагой. Тотальный беспорядок на столе наводил на мысли о том, что здесь работает гений, а не просто какой-то Вася Пупкин. Артём плюхнулся в своё огромное кожаное кресло и уставился на монитор, который мирно погас, переходя в режим сна.

И тут взгляд его упал на странный предмет. Обычно стол был завален документами и стикерами, но сейчас на краю стола лежал старый, пыльный навигатор. Устройство, которому было лет десять, если не больше. Пластиковый корпус был потёрт, а на экране треснуло стекло. Артём не помнил, откуда он взялся. Наверное, остался от предыдущего владельца офиса. Он машинально взял его в руки. Эта вещь вызвала у него странную смесь ностальгии и отвращения. Кто вообще пользуется навигаторами сейчас, когда есть смартфоны? Мусор.

Он хотел выбросить его в мусорное ведро, но палец предательски нажал на кнопку включения. Экран засветился тусклым, синеватым светом. Навигатор загудел и начал загружаться. Артём хмыкнул: «Ещё и работает, старая рухлядь». Он думал, что устройство просто покажет текущее местоположение, но вместо этого на экране появился странный запрос. Не карта, не меню маршрутов, а просто поле ввода с

единственной надписью: «Введите дату для начала путешествия».

— Бред, — пробормотал Артём. — Давно пора на свалку истории.

Он хотел выключить его, но его большой палец, всё ещё помнящий боль от удара по рулю, случайно задел сенсорный экран. Поле ввода заполнилось автоматически. Навигатор сам вставил дату его рождения. Двадцать третье декабря тысяча девятьсот девяносто второго года. Артём замер. Откуда устройство знает эту дату? Он никогда не вводил её в этот навигатор, и вообще, это выглядело как мистика.

— Глюк, — сказал он сам себе, стараясь сохранить самообладание. — Завтра выкину.

Но навигатор не выключался. Вместо этого он начал вибрировать, мелко и надоедливо, как мобильник на беззвучном режиме. Экран залило белым свечением, от которого заболели глаза. Артём хотел отбросить его в сторону, но его пальцы будто приклеились к пластиковому корпусу. Тёплая волна прошла по его телу, начиная с кончиков пальцев и заканчивая макушкой. В ушах зазвенело, всё поплыло перед глазами: стены офиса, компьютер, стопка бумаг — всё это растворилось в белом шуме.

Последнее, что он отчётливо осознал, была мысль: «Если бы я мог всё повернуть назад...» Это был самый острый момент стыда, самый глубокий колодец сожаления, в который он провалился в тот самый момент, когда такси с Викой

скрылось за поворотом.

И тут, в этом белом шуме, внутри его собственной головы раздался голос. Он был похож на синтезированный женский голос из старого автоответчика, но с интонациями, полными ехидства и боли.

«Вы выбрали дату для начала путешествия, — сказал голос. — Обратный отсчёт активирован. Петля времени начинает работу. Помните главное правило, которое не нарушить даже ценой вашего рассудка. Петля замыкается только в моменте вашего абсолютного стыда и всепоглощающего сожаления. Выход из петли, — голос на секунду замолк, и Артём готов был поклясться, что слышит смешок, — только через искренний поцелуй взаимности. Без него вы останетесь здесь навсегда. Приятного путешествия, Артём. Надеюсь, вы найдёте свой выход, или хотя бы свою карту...»

Белый свет взорвался фейерверком искр, и Артём провалился в темноту. Это была не боль. Это было растворение. Смерть эго.

А затем, спустя мгновение, которое длилось вечность, он почувствовал, как его тело резко встряхнуло. Он открыл глаза. Перед ним был не офис. Он сидел за столиком. Панорамные окна. Москва внизу. Запах дорогих духов с нотками ванили и горького перца. И она. Вика. Та самая, только на два часа моложе. Она смотрела на него поверх меню, улыбаясь той самой загадочной улыбкой.

— Артём, ты какой-то бледный, — сказала она. — Всё

хорошо? Может, нам заказать что-то горячительное перед едой?

Артём сглотнул. Он посмотрел на свои часы. На них было восемнадцать ноль-ноль. Он был в прошлом. Но это прошлое было настоящим. В голове гремела одна единственная мысль: «У меня есть ещё один шанс. Только один, или... сто один».

И он даже не подозревал, что впереди у него девяносто девять попыток, чтобы разбить свою золотую клетку и научиться не просто жить, а чувствовать. Это был момент нуля. Точка отсчёта его нового «я», которое ещё только предстояло родиться в муках ста повторяющихся свиданий.

Глава 2. Первый запуск. (Вечер 1)

Сознание возвращалось к Артёму не как плавное пробуждение после крепкого сна, а как удар током. Сначала он ощутил запах. Тот самый запах, который стоил ему душевного равновесия всего час назад — ваниль, замешанная на горьком перце. Затем слух уловил далёкий, приглушённый звон бокалов и шелест ресторанной суеты. Ну и, наконец, зрение сфокусировалось на лице, которое он уже мысленно похоронил. Вика. Живая, тёплая, улыбающаяся. Она сидела напротив него и держала в руках меню, обложка которого была из мягкой, приятной на ощупь кожи. Артём моргнул. Затем моргнул ещё раз.

Его первая мысль, примитивная и защитная, была естественной для любого человека, чья психика столкнулась с чем-то невозможным: «Я сплю». Он зажмурился, потом открыл глаза. Вика никуда не исчезла. Более того, она наклонила голову, и в её взгляде появилась лёгкая, почти незаметная тревога.

— Артём, — повторила она, и в её голосе уже звучала не просто забота, а лёгкое раздражение. — Ты меня слышишь? Я говорю, может, нам заказать что-то горячительное перед едой? Ты выглядишь так, будто призрака увидел. Или у тебя давление скакнуло?

Эти слова, такие простые и земные, врезались в его созна-

ние, как молот. Он опустил взгляд на свои руки. Руки были теми же самыми. Но на запястье красовались часы. Те самые механические швейцарские часы, которые он купил себе на прошлый день рождения. Они показывали восемнадцать ноль-ноль ровно. Час назад, когда он прощался с Викуй у такси, было почти одиннадцать. Теперь снова шесть вечера.

Артём судорожно сглотнул. В горле пересохло так сильно, что он едва мог выдавить из себя звук. В ушах всё ещё эхом звенел тот голос из навигатора — синтезированный, холодный, с нотками сарказма: «Петля времени начинает работу». Он тогда решил, что это глюк, что он переутомился, что у него галлюцинация на фоне нервного срыва. Но сейчас он сидел на том же самом месте, где был два часа назад. Или не два? Он посмотрел на Вику. Она была моложе на три часа. Она ещё не слышала его идиотского ответа про «кайф». Она ещё не приняла решение уехать в такси. Она была здесь, в начале их вечера, нетронутая его провалом.

— Горячительное? — переспросил Артём, пытаясь взять себя в руки. Он говорил медленно, словно учился заново складывать буквы в слова. — Да, да, конечно. Закажи, что хочешь. Мне всё равно. Нет, стой. Не всё равно. Мне — вино. То же, что и в прошлый... — он осекся на полуслове, поняв, что ляпнул глупость. — В общем, красное. Сухое. Ты любишь сухое?

Он нёс полную ахинею, но внутри него бушевала целая

буря. Адреналин зашкаливал. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышит весь ресторан. Артём попытался включить логику. Он аналитик, архитектор систем. Если он попал в петлю времени, это значит, что у него есть правила. Правило первое — стыд и сожаление. Он испытал их, когда облажался. Правило второе — выход через поцелуй. Но сейчас он не думал о выходе. Он думал о том, как использовать этот шанс.

«Это не сон, — наконец решил он. — Сны так не пахнут. Сны не такие липкие. Это — вторая попытка. Боже, какой же я идиот, что не умел ценить время, когда оно было линейным!»

И тут в его голове, как на экране монитора, загрузилась программа «Спасательный круг». Артём решил, что будет действовать так, как действовал всегда, когда ему нужно было произвести впечатление. Он решил использовать свой старый, проверенный ещё со студенческих времён арсенал. Тот самый, который работал в университете, в шумных барах и на вечеринках. Он вспомнил, как это делается. Нужно быть расслабленным, чуть наглым, показывать свою занятость и незаинтересованность. В универе это срабатывало безотказно. Девушки бегали за ним, потому что он был загадочным аййтишником, который мог починить компьютер и при этом рассказать анекдот.

Он глубоко вздохнул и принял ту самую позу, которую называл «позой альфа-самца»: откинулся на спинку стула,

заложил руки за голову и расправил плечи. Улыбка у него получилась чуть натянутой, но он постарался сделать её выскомерной.

— Знаешь, Вика, — начал он с той интонацией, которую использовал для общения с младшими курсами, — а ты умеешь выбирать места. Прямо скажем, я впечатлён. Но, если честно, я обычно сюда вожу только партнёров по бизнесу. Очень уж здесь пафосно.

Он думал, что это звучит круто. Показать, что он бывал тут много раз, что это для него рутина, что она — избранная, но он не подаёт вида. Вместо этого Вика слегка приподняла бровь. Её улыбка стала чуть холоднее.

— А, то есть ты меня сравниваешь с бизнес-партнёрами? — спросила она, и в её голосе зазвучала стальная нота. — Ну, для первого свидания звучит... необычно.

Артём осекся. Он понял, что ляпнул. Вместо того чтобы создать интригу, он создал стену. Он попытался исправить-ся.

— Нет-нет, ты не так поняла. Я к тому, что здесь очень вкусная кухня. И я хочу, чтобы ты попробовала их фирменное ризотто. Я закажу. Я знаю, что тут хорошо.

Он щёлкнул пальцами, подзывая официанта. Это было слишком громко и слишком навязчиво. Официант, мужчина лет пятидесяти с безупречными манерами, даже бровью не повёл, но Артём заметил, как Вика поморщилась. Она не любила, когда кто-то привлекает внимание таким жестом. Она

принадлежала к той породе людей, которые ценят тишину и уважение к персоналу.

— Артём, не надо щёлкать, — мягко, но твёрдо сказала она. — Он и сам нас заметит. Просто подними руку, если хочешь. Или подожди. Никуда мы не спешим.

— Да я просто хочу всё ускорить, — брякнул Артём, и тут же понял, что это звучит ужасно. Слово «ускорить» в контексте свидания звучало как «хочу поскорее отделаться». — Я имею в виду, что голоден, как волк! — добавил он с фальшивым смехом.

Он вспомнил, что в универе он часто использовал самоиронию. Девушкам нравилось, когда он смеялся над собой. Он решил включить эту тактику.

— Слушай, я, наверное, выгляжу как полный придурок, да? — спросил он, разводя руками. — Я просто немного волнуюсь. Честно признаюсь. Обычно я всегда спокоен, как удав, но тут ты... Ты — исключение.

Он думал, что это обезоруживает. Он думал, что честность о своей неуверенности покажет его человечность. Но он переборщил. Он сказал это слишком рано, слишком рано, до того, как между ними установилась хоть какая-то доверительная связь. Вика насторожилась. Она не хотела быть для него «исключением», она хотела быть для него «равной». Ей не нужен был мальчик, который признаётся в своих страхах через пять минут после знакомства. Ей нужен был мужчина, который знает, чего хочет, или хотя бы не боится, что у него

спросят об этом.

— Ты странный сегодня, — констатировала она факт, отпивая глоток воды из бокала. — Ты меня извини, но когда мужчина говорит «я обычно спокоен», это звучит так, будто он пытается убедить меня, а не себя. Не парься так.

Вот это слово — «не парься» — прозвучало как приговор. Когда женщина в начале вечера говорит мужчине «не парься», это значит, что она уже потеряла к нему интерес. Ей стало его жалко. А жалость — это смерть для страсти.

Артём чувствовал, как почва уходит из-под ног. Он был в петле времени, у него был шанс переиграть, но он делал ровно те же ошибки, только в другом порядке. Он попытался вспомнить, что работало на других. Вдруг ему в голову пришла блестящая мысль: нужно говорить комплименты. Но не банальные, а креативные.

— А у тебя глаза... — начал он и запнулся. Он хотел сказать «как океан», но это было слишком пошло. — У тебя глаза такого цвета, что можно смотреть вечно. В них есть что-то загадочное, как в старых фотографиях.

Вика улыбнулась, но это была улыбка вежливости. Она слышала это уже сотню раз. Эти фразы были как расхожие анекдоты, которые уже не смешат. Артём продолжал насеждать. Он начал рассказывать ей истории о своих путешествиях, о том, как был в Таиланде и в Испании, как нырял с аквалангом. Он старался казаться интересным, но говорил он слишком громко и слишком много. Он не замечал, как её

взгляд начинает блуждать по залу, как она смотрит на часы, висящие над барной стойкой.

Ирония была в том, что он делал всё, что прописано в стандартных макулатурных книжках по пикапу: будь уверен, покажи статус, делай комплименты, рассказывай о себе. Он действовал по инструкции, как робот, но он забыл одну важную вещь, которую он как раз сегодня должен был выучить: инструкция должна быть написана кровью сердца, а не чернилами конвейерного мышления.

Когда официант принёс закуски, Артём решил перейти к решающей фазе. Он вспомнил свою любимую технику из студенчества — «игнорирование». Он достал свой телефон, положил его на стол экраном вверх и демонстративно пару раз проверил уведомления. Он хотел показать, что он востребован, что ему пишут, что у него много дел. Вика проследила за его взглядом.

— Извини, работа, — небрежно бросил он. — Срочный проект. Ты не представляешь, сколько у меня сейчас задач.

Вместо того чтобы показать свою значимость, он показал свою невоспитанность. Вика аккуратно положила вилку, отодвинула тарелку и посмотрела ему прямо в глаза. В этом взгляде было спокойствие, которое было страшнее любого крика.

— Артём, — сказала она медленно. — Если тебе нужно работать, мы можем перенести встречу. Я понимаю, что у людей бывают дела. Но мне кажется, что если ты проверяешь

телефон во время разговора со мной, значит, мой разговор недостаточно интересен, чтобы на нём сосредоточиться.

Он попытался оправдаться, но она перебила его:

— Я не хочу быть той девушкой, которая отвлекает гения от его гениальных дел. Если у тебя столько задач, иди и решай их. А я... я пожалуй, пойду домой. Мне ещё завтра на работу.

Артём смотрел на неё с ужасом. Это было ещё хуже, чем в прошлый раз! Там он хотя бы нормально провёл почти весь вечер и провалился только на вопросе. А тут он провалился уже на двадцатой минуте. Он был слишком навязчив, слишком пафосен и слишком фальшив. Он будто играл роль супергероя, но роль была чужой, и костюм ему был мал.

Он попытался её удержать, схватив за руку, но это было грубо. Она мягко, но настойчиво высвободила ладонь.

— Давай оплатим счёт, — сказала она. — Ты был очень мил, но, по-моему, мы немного разные люди.

Счёт был оплачен за какие-то несчастные полчаса. Вика ушла, не оборачиваясь. Артём остался сидеть за столом, чувствуя себя полным ничтожеством. Он провалился дважды, только в этот раз быстрее и позорнее. Он был один. Но самое жуткое было впереди.

В его кармане завибрировал старый навигатор. Артём с ужасом достал его. Экран засветился, и на нём появился обратный отсчёт. Три... две... одна... «Ошибка. Петля обнуляется. Перезагрузка через три секунды...»

Он понял, что не вышел из петли, а просто сломал её. Вместо поцелуя он получил поражение. Белый свет снова залил всё вокруг. И снова он провалился в эту тёплую, липкую бездну.

Спустя мгновение, которое длилось целую вечность, он снова открыл глаза. Запах ванили. Звон бокалов. Улыбка Вики напротив.

— Артём, ты какой-то бледный, — сказала она. — Всё хорошо? Может, нам заказать что-то горячительное перед едой?

Час назад он стоял у ресторана и кусал губы от стыда. Ещё час назад он был на пятьдесят втором этаже и разбивал кулак о руль. А сейчас он снова сидел здесь. В начале. Ничего не изменилось. Только внутри него стало пусто и холодно. Он больше не был уверен, что это сон. Это был ад. Круглый, повторяющийся ад, где он должен был пройти один и тот же квест снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.